

ЖЕНЩИНА ПО ИМЕНИ НАДЕЖДА

«Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории», — писал когда-то поэт Петр Вяземский. В орловскую историю даже не просто строку, а целую страницу вписала Надежда Семенова — журналистка и издательница газеты «Орловский вестник».

Ее отец — Алексей Андреевич Семенов был сыном вологодского отставного штабс-капитана. В молодости служил в Петербурге, где женился на дочери царского конюшего Калерии Сомовой. Его избранница блистала в столичном свете своей красотой. Но после того, как муж ушел в отставку, семья переехала в Вологду. И здесь Калерия Александровна была в центре внимания на всех балах. Она умерла вскоре после рождения второй дочери — Елизаветы.

Алексей Андреевич занимал весьма скромную должность казначея земской управы и имел чин титулярного советника. Зимой 1873 года сани, в которых ехал губернский казначей, провалились под лед. Отец Семеновой простудился и вскоре умер. Так Надежда в 12 лет осталась круглой сиротой...

Заботы о ее воспитании взяла на себя бабушка Елизавета Алексеевна. Надежда вместе с сестрой окончила училище для благородных девиц, где на хорошем для провинциальной Вологды уровне преподавали музыку и иностранный язык, обучали воспитанниц рукоделию и ведению домашнего хозяй-

ства. Вологда, славившаяся прежде кружевами, приобретала в то время и несколько иную славу. Дело в том, что с середины XIX века Вологда и Вологодская губерния превратились в место ссылки. Обитателями «подстоличной Сибири» были такие известные люди, как Г. А. Лопатин, П. Л. Лавров, А. В. Луначарский, В. А. Русанов, Б. В. Савинков, Н. А. Бердяев, И. В. Сталин. По приблизительным подсчетам, через вологодскую ссылку прошло около десяти тысяч человек.

Превращение Вологды в место ссылки, в конечном счете, определило и будущую судьбу юной Наденьки Семеновой. В девятнадцать лет она вышла замуж за ссыльнопоселенца из Ельца Бориса Шелихова. Молодожены вскоре переехали из Вологды в Орел. Надежда получила хорошее приданое от бабушки и поэтому на новом месте смогла (правда, не сразу, а по прошествии четырех лет) купить собственный дом заодно с располагавшейся в нем газетой «Орловский вестник» и типографией. Выбор именно этого дома, по-видимому, был не случаен: Надежда, еще в Вологде серьезно интересовавшаяся литературой, с первых орловских дней стала внештатной сотрудницей «Орловского вестника». И не случайно, что редактором газеты суждено было стать представительнице прекрасного пола. В этом был какой-то символ, какой-то особый смысл того времени. Редактировавший до Семеновой «Орловский вестник» преподаватель местной военной гимназии и литератор Александр Николаевич Чудинов был явно неравнодушен к «женскому вопросу». Еще в марте 1871 года он прочел в Орле цикл публичных лекций на тему «Очерк истории русской женщины в последовательном развитии ее литературных типов». Здесь мы видим явный намек на «тургеневских девушек». Похоже, приехавшая из Вологды Надежда Семенова была в чем-то типичным представителем своего времени...

Здесь, в Зиновьевском переулке в Орле, родился второй сын — Вадим (первого назвали Юрием). В «Орловском вестнике» начинал свою литературную деятельность юный Бунин... Редакция была «семейным предприятием», и один из сотрудников вспоминал о том, какое контрастное впечатление произвела на него первая встреча с владельцами газеты в 1886 году. О нашей героине он написал так: «Вошла моло-

дая, симпатичная, пухленькая блондинка, фактическая владелица газеты госпожа Семенова».

И о Шелихове: «Это был низенький, черненький и необыкновенно нервный человек. Он все ерзал на стуле, мял руками бумажки, стучал по столу карандашом и беседовал со мною, потупив глаза, словно бы конфузился смотреть на меня».

На противоречивом фундаменте, на бедности и на несбывшихся во многом надеждах был построен бумажный кораблик, на парусах которого было гордо выведено «Орловский вестник». Начиналось долгое плавание в море провинциальных невзгод и проблем, плавание, ставшее достоянием истории, во многом благодаря имени Ивана Бунина, которого Шелихов и Семенова настойчиво звали на работу. Семнадцатилетний талантливый юноша осмелился отправиться из деревни в Орел... Это был путь Михаила Ломоносова из Холмогор. Или, если хотите, путь Д'Артаньяна... Путь многих и многих...

В романе «Жизнь Арсеньева» Иван Бунин вывел Семенову под иной фамилией — Авилова. Фамилия, может быть, самая обычная для российского читателя. Но для орловцев ставшая нарицательной. Дадим слово одному из орловских обывателей той поры (он не хотел раскрывать своего имени, хотя краеведам оно хорошо известно — Петр Кречетов): «В 1872 году директором Орловского банка был избран некто Авиллов. Этот Авиллов — самый ординарный купчишка. Попал он в банковские воротилы совершенно случайно. Ему сразу наговорили, что капитал в банки собирается не для того, чтобы лежать в сундуках, а для кредита, для движения, что из этого самого движения истекает рост капитала и т. д... Что же ему оставалось, как не начать самый простой обмен приносимых вкладчиками капиталов на дутые векселя... С 1872 по февраль 1883 года Авиллов управлял Орловским городским общественным банком, и деятельность его была замечательна: он из сумм банка присвоил себе более 400 тысяч рублей, которые не возвратил... В 1883 году банк был признан несостоятельным и закрыт с убытком около 3,5 миллиона рублей. В том же году закрыто было и Орловское общество взаимного кредита».

Скандал был настолько громкий, что столичные газеты объявили: «За ненадобностью и излишеством за сходную цену продается город Орел — весь целиком и вразброд. Справиться

в Орловской Думе. Может быть сделана уступка». Невообразимо большой долг повис на Орле.

Юный Бунин, конечно же, был в курсе орловских банковских дел: не раз он был вынужден ездить в губернский город, чтобы платить проценты в орловский Дворянский банк. Можно вполне предположить, что в своем романе Бунин дал Семеновой «говорящую» фамилию, только подчеркивающую ее принадлежность к «купеческому» сословию. В дополнение к этому, он сделал ее вдовой, видимо, чтобы не загромождать повествование историей сложных взаимоотношений и последующего развода Семеновой и Шелихова.

Авилова предстает перед читателем маленькой, гостеприимной, деловитой, аккуратной, настоящей хозяйкой большого дома — не только жилой его половины, но и редакции, типографии. Заботливая хозяйка... Маленькая, но крепкая рука... Какие еще черты подчеркивает Бунин? Например, он мельком упоминает о том, что вечером Авилова уехала на собрание.

Весь облик Семеновой до боли противоречив. В одну минуту она как будто типичный персонаж из пьесы Островского — деловитая и домовитая хозяйка. В другую минуту — почти Вера Павловна из романа Чернышевского: издает либеральную газеты, помогает ссыльным, посещает собрания.

Можно предположить, что Бунин не сразу почувствовал эту противоречивость — так сильно было обаяние симпатичной молодой женщины. Но уже о первой встрече, о том, как она закончилась, он написал: «Я получил предложение не только сотрудничать, но и взять аванс, который и взял, — горячо покраснел, но взял».

Он краснеет, ему неловко. Но для Авиловой это мимолетно и несущественно. А будущая драма разворачивается дальше.

«Каждый раз перед балом я переживал жестокие минуты, — нужно было надевать фрак покойного мужа Авиловой, совершенно, правда, новый, кажется, ни разу не надеванный и все же меня как бы пронзавший». В этой фразе — ключ к пониманию отношений Бунина и Семеновой. Можно с уверенностью утверждать, что Бунин специально вводит в канву романа эту придуманную деталь с фраком (как мы знаем, Семенова не была вдовой, а следовательно, не было и фрака покойного мужа). Тем самым писатель подчеркивает то странное чувство, которое производила на него деловитая забота Семеновой.

С одной стороны, именно Семенова предложила Бунину издать первую книгу его стихов. Такая традиция издания произведений сотрудников газеты уже складывалась в редакции демократического «Орловского вестника». С другой стороны, Семенова не чуралась предложить ему «отделаться» от будущих компаньонов (если начинающий журналист возьмется с ними за издание газеты), она советовала Варе Пащенко «не увлекаться» юным литератором. Ее здоровый практицизм, пусть в редких случаях, но все же переходил черту, которую не мог преступить Бунин.

Именно Семенова была автором в общем-то фантастической идеи о том, как Ивану Бунину стать владельцем газеты в соседнем губернском центре — Смоленске. В 1891 году до нее дошли вести о том, что право на издание газеты продается за 1200 рублей. И она стала уговаривать Ивана Бунина поехать в Смоленск, узнать об этом подробнее и попробовать найти двух компаньонов, чтобы разделить требуемую сумму на троих. В одном из писем своему брату Юлию Бунин даже приводит фразу Семеновой по этому поводу: «Я, говорит она, знаю, что дела «Смоленского вестника» не особенно плохи, так что вы могли бы в скором времени отделаться от компаньонов...» И автор письма сокрушенно восклицает: «Только где же я могу достать эти 400—600 рублей?» Куда более реальным выглядел вариант просто устроиться на работу. В марте 1892 года Иван Бунин писал из Полтавы редактору «Смоленского вестника» Е. П. Поливановой:

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Я получил из Орла известие, что в редакции «Смоленского вестника» открывается место секретаря, на которое вы любезно соглашаетесь рекомендовать меня...

... Могу сказать о себе, что имею о нем (о газетном деле. — А. К.) некоторое представление, занимаясь довольно долго в редакции «Орловского вестника», где исполнял разнообразные обязанности, писал передовые статьи, сдавал беллетристический и другой материал, знаю корректорское дело, приходилось читать последнюю корректуру, — о чем может засвидетельствовать редактор этой газеты Н. А. Семенова».

Но в этот же день Бунин писал Варе Пащенко: «Попроси, пожалуйста, Надежду Алексеевну написать что-либо вроде рекомендательного письма о моих «способностях» — сходи

к ней сейчас же, как получишь мое письмо... Если ж письмо, которое (я думаю) напишет Надежда Алексеевна, тебе не понравится — не отсылай его...»

Бунин здесь чем-то похож на гимназиста, который не знает, какую оценку строгая учительница (Семенова?) поставит ему за диктант, и если уж оценка не самая хорошая, то пусть будет так, чтобы о ней никто не узнал...

Но отложим в сторону деловые проблемы. Как безмятежно, как пронзительно хорошо было Ивану Бунину, когда отступали заботы... Откроем снова роман «Жизнь Арсеньева»:

«Маленькая, живая, всегда вся крепко и весело собранная Авилова тоже удивляла меня на балу своей молодостью, сияющей миловидностью. Это на балу вдруг понял я однажды, что ведь ей всего двадцать шесть лет, и впервые, не решаясь верить себе, догадался о причине странной перемены, происшедшей в ее обращении со мной в эту зиму, — о том, что она может любить и ревновать меня».

«Часто проводил целые вечера с ней вдвоем: она подолгу играла для меня, а я полулежал на диване, все закрывая глаза от подступающих слез музыкального счастья».

В романе Бунин пишет о том, как главный герой в растерянности отказался от предложения Авиловой поехать в Москву. И в подчеркивании этой сцены тоже символ, особый символ. На самом деле, поездка все же состоялась — в июле 1891 года Семенова пригласила Бунина поехать в качестве корреспондента газеты на французскую выставку, открывшуюся в Москве. Они были в Кремле, на колокольне Ивана Великого, в летнем саду «Эрмитаж», в Румянцевской библиотеке, на Воробьевых горах. И каждый день в течение недели ходили на выставку, хотя она, увы, особого впечатления не произвела. В своей книге «Жизнь Бунина» В. Н. Муромцева-Бунина писала об этой поездке: «Его спутница не раз заводила разговор о его романе, но скоро убедилась, что он уже в таком состоянии, когда человек бывает глух и слеп».

Иван Алексеевич иногда, с грустной улыбкой, много лет спустя говорил мне, что Надежда Алексеевна была его «непростительной пропущенной возможностью». Он понял только позднее, что он «действительно нравился ей, и что было бы лучше, если бы он увлекся ею, а не Пащенко». Повторял он

это и незадолго до смерти, всегда восхищаясь этой умной, изящной, обаятельной женщиной. Но он был юн, когда в первый раз увидел ее, и она показалась ему недоступной».

А в романе «Жизнь Арсеньева» все проще, но так пронзительно. Идет вечерний разговор, полный многозначительных фраз о смысле жизни. И вдруг...

«Она, подняв на меня глаза, вдруг тихо, многозначительно спросила:

— Хотите, поедем в Москву?

Что-то жутко содрогнулось во мне... Я покраснел, забормотал, отказываясь, благодарности... До сих пор вспоминаю эту минуту с болью большой потери».

Работа юного Ивана Бунина в редакции «Орловского вестника» была, пожалуй, самой яркой и памятной страницей в истории газеты. Но для Надежды Семенович была все же лишь страницей в череде будней: напомним, что она была редактором почти полтора десятка лет. Не самое завидное досталось ей наследство от прежних владельцев «Орловского вестника». Да и сам город Орел был, похоже, не готов к появлению здесь полнокровного органа печати.

В Орле, например, как курьез воспринимали отношения, сложившиеся между прежним редактором газеты Чудиновым и местной властью. Один из современников рассказывал об этой истории: «Корова советника губернского правления, цензурировавшего газету, обыкновенно паслась в саду владельца газеты, но как только цензор начинал «пошалить» со столбцами «Орловского вестника», бедное животное подвергалось остракизму впредь до умирения ее хозяина. Орловские обыватели так уж и знали: если, заглянув в дырочку забора, они видели в саду редактора цензорскую корову, то, значит, мир царил в редакции...

У газеты имелись четыре цензора — два советника правления, вице-губернатор и губернатор. За одного из советников цензурировала его дочь. Редакции приходилось считаться и с этим обстоятельством, так как у дочери были самостоятельные вкусы».

Похоже, Надежда Семенович, выросшая в купеческой Вологде, без особых затруднений разобралась в хитросплетениях провинциальной жизни в Орле. Другой вопрос: как удавалось ей совмещать деловую сметку с извечным стремлением к иде-

алу, к высотам духовной жизни? По сути, появление Бунина в «Орловском вестнике» было далеко не случайностью. Семенова всегда искала управляющего газетой, человека, способного взвалить на себя весь груз редакционных хлопот. И в «подборе кадров» была типичной купчихой. Но ведь кого находила!

Много лет присылал рассказы и фельетоны для «Орловского вестника» Александр Щегловитов — талантливый литератор, а по долгу службы — рядовой чиновник в Кромском уезде. Под псевдонимом «Никто Я» в газете сотрудничал драматург и революционер-народник Евтихий Павлович Карпов. В июне 1889 года в «Орловском вестнике» была опубликована первая статья орловского семинариста Петра Кречетова — будущего автора множества столичных журналов, литературного критика и краеведа.

Надежда Семенова высоко ценила не только отдельных представителей интеллигенции. Ее увлечением был созданный в Орле Комитет народных чтений — в нем насчитывалось до 350 членов, то есть, по довольно меткому выражению тех дней, «почти вся орловская интеллигенция». Организованный с благой, казалось бы, целью просвещения народных масс, комитет в то же время стал прибежищем для прогрессивной и даже либерально-революционной орловской интеллигенции, видевшей в нем хорошую возможность для общения. Восхищенная на первых порах деятельностью комитета, Надежда Семенова восклицала в одной из передовых статей своей газеты: «Комитет народных чтений — это единственное живое учреждение в городе Орле».

Не остались столь явные выражения симпатии в стороне от внимания губернских властей. Орловский губернатор даже обратился с запросом к губернатору вологодскому по поводу благонадежности Семеновой. Ответ был кратким и исчерпывающим: «Дочь титулярного советника, девица из дворян, за время проживания в городе Вологда ни в каких особых предосудительных поступках замечена не была».

Выспренный стиль передовой статьи Надежды Семеновой, возможно, был связан и с обстоятельствами ее личной жизни. После нескольких лет житейских неурядиц, после бессмысленной ревности мужа, Надежда Семенова решила уйти от него, а точнее, выставить его самого — Бориса Шелихова — за дверь, пригрозив обратиться за помощью полиции, если он не оста-

вит ее в покое. Иван Белоконский вспоминал об этой поре: «Издательница газеты Семенова... сошлась с очень живым и общественным молодым человеком Сентяниным. С последним я вступил в переговоры об отдаче газеты в руки группы лиц, которые будут вести ее литературную часть. Семенова и Сентянин согласились на это. Тогда редакция образовалась из меня, инженера путей сообщения Н. Ф. Королева, занимавшего крупную должность на Риго-Орловской дороге, талантливого юриста А. Н. Рейнгарда и А. В. Пешехонова».

Однако вскоре выяснилось, что «инициативная группа» пошла куда дальше просветительства Комитета народных чтений. И полиция, и губернатор стали грозить Семеновой всяческими карами, в случае если она не найдет управу на радикальных журналистов, которые хотели превратить «Орловский вестник» чуть ли не в орган революционной демократии. Представить только, скольких слез стоила такая драматическая развязка для Надежды Семеновой, нашедшей было людей для своей газеты! Ее гражданский муж Василий Евграфович Сентянин, занимавший скромную должность делопроизводителя в железнодорожном управлении, вынужден был написать встревоженное письмо не на шутку развернувшимся поборникам гласности:

«Надежда Алексеевна смотрит на дело издания газеты, как на единственный источник существования... она страшно смущена опасностью, так как что-то уж очень много толкуют о закрытии».

Финал истории описал сам Белоконский: «Нашей компании не оставалось ничего более, как уйти из «Орловского вестника», что мы и сделали. Это произошло в конце первой половины 90-х годов и совпало с провалом партии «Народное право», некоторые члены которой принимали близкое участие в газете».

Впрочем, что-то надломилось и в самой редакции. Семенова все больше и больше отходила от журналистских забот. В декабре 1897 года А. И. Аристов приобрел у нее права на издание и редактирование «Орловского вестника». А сама бывшая владелица газеты уехала на несколько лет из Орла, к своей единственной сестре, жившей в Сибири.

Кречетов с горечью восклицал: «До 1898 года «Орловский вестник» был чистой, опрятной провинциальной газетой, теперь же он мало чем отличается от «Московского

листка», «Новостей дня» и т. п. Прежде в «ОВ» писали: Белокопский, Чернов, И. Бунин и т. п., теперь там пишут какие-то Ст. П-кие, К. Пономаревы, Дяди Алексеи и т. п.».

Наступали новые времена, публика была не прочь читать иные газеты... Вернувшись через несколько лет в Орел Надежду Семенову увлекла медицина, она закончила фельдшерские курсы и одновременно пристроила к своему дому в Орле специальное крыло, где был открыт родильный дом. Оборудовано здесь все было на вполне современном уровне, роддом имел три палаты, операционную, подсобные помещения. Между прочим, здесь родился и ее внук Евгений — сын Юрия.

Медицинская специальность определила всю будущую жизнь бывшей издательницы. Надежда Алексеевна принимала участие в боях в Галиции в качестве сестры милосердия, была удостоена золотой медали. А после революции работала в Орловском училище садоводства фельдшером. Муж Надежды Алексеевны — Василий Евграфович Сентянин — вместе с ее сыном Вадимом отправились строить Китайскую Восточную железную дорогу, где их след затерялся.

В 1931 году, ровно через полвека после отъезда в Орел, Надежда Алексеевна Семенова вернулась в родную Вологду. И остаток своих дней провела с сестрой в маленькой комнате коммунальной квартиры. Умерла 23 марта печальной памяти 1937 года, была похоронена на Богородицком кладбище в Вологде. Кладбище это позднее было снесено. Кажется, никакой памяти не осталось о русской женщине, носившей такое славное имя Надежда...

Конечно, смиренное кладбище — стандартный финал любого жизнеописания. Но если не сохранился даже погост, то стоит ли завершать очерк упоминанием о нем?

Жизнь многолика, жизнь прекрасна, несмотря ни на что... Возьмите томик Бунина, откройте и прочтите снова: «Маленькая, живая, всегда вся крепко и весело собранная Авилова... удивляла меня на балу своей молодостью, сияющей миловидностью. Это на балу вдруг понял я однажды, что ведь ей всего двадцать шесть лет...»

Очерк о Надежде Алексеевне Семеновой — прототипе образа Авиловой (роман И. Бунина «Жизнь Арсеньева») — опубликован в журнале «Подъем», 1998. — № 2.